ПИСАТЕЛЬ.

АРМІЯ

Чистый доходъ съ изданія поступаетъ въ казну Е. И. В. Великаго Князя Николая Николаевича.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „СТАРОЕ ВРЕМЯ“
Бѣлградъ, 1924 г.

АРМІЯ.

Чистый доходъ съ изданія поступаетъ въ казну Е. И. В. Великаго Князя Николая Николаевича.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „СТАРОЕ ВРЕМЯ“

Бѣлградъ, 1924 г.

Штампарија „Рад“ Краља Милана 69 — Београд

АРМІЯ.

I. Заботныя думы старыхъ офицеровъ на чужбинѣ.

Десятый годъ идетъ послѣ объявленія войны. Десятый годъ старый Русскій офицеръ и солдатъ лишены домашняго очага и крова и проводятъ на войнѣ, въ гражданской смутѣ, наконецъ, на тяжелой работѣ, на чужбинѣ. Сильнѣе растановится тоска по Родинѣ, больше тяги домой, ярче работаетъ воображеніе надъ тѣмъ, что ожидаетъ. Чувствуется приближеніе дома. Можно бояться вѣрить. Можно совсѣмъ не вѣрить, но чувства не обманешь. По безчисленнымъ, мелочнымъ признакамъ мы уже догадываемся, что наступаетъ перемѣна. Еще одну страницу листаетъ исторія. Такъ перелетная птица чуетъ весну тамъ, гдѣ будетъ вить гнѣздо, гдѣ оставила свой домъ. И собирается въ путь.

Мы рѣшили, что къ прошлому возврата нѣтъ. Будетъ Россія новая. И строить ее будемъ по новому.

Сказали, не сговариваясь, ни тутъ, за рубежомъ, ни тамъ, гдѣ была Россія: — строить будемъ національную Россію.Отметнемъ, откажемся отъ всякихъ прежнихъ интернаціональныхъ идей и станемъ Русскими. Это наше. Это: — завоеваніе контръ-революціи.

Ибо за эти жуткіе кровавые годы научились мы любить Россію. Стали мы патріотами. Повидавъ заграницу стали гордиться, что мы Русскіе, поняли могучую силу Русскаго таланта, способностей, умѣнія жить, приспособляемость и терпѣніе.

Въ этомъ выжиданіи событій спокойны бѣженцы инже-

неры, техники, врачи, профессора, ученые, художники, ремесленники, землевладѣльцы, фабриканты, купцы, священники и пр., — они знаютъ: — они будутъ нужны и, какая бы Россія не была, безъ нихъ она не обойдется. Ихъ знанія, ихъ навыки, ихъ профессіи необходимы всякому государству.

Но есть среди бѣженцевъ люди, которые, по мѣрѣ приближенія радостнаго часа возвращенія, все болѣе волнуются, ибо сбиты съ толка, ибо не знаютъ: — будутъ нужны они Россіи, понадобятся ей, не станутъ въ ней, желанной и любимой, лишними и безмѣстными.

Это военные.

И больше другихъ волнуются тѣ, кто не измѣнилъ своему знамени, не оставилъ ремесла, кто, несмотря на тысячи оскорбленій, лишеній, обидъ, униженій, не бросилъ мундира, не покинулъ полка, но остался ему вѣренъ.—Это чины Русской Арміи генерала Врангеля.

Если другіе офицеры и солдаты такъ, или иначе „приспособились“, „задѣлались“ лакеями въ ресторанахъ, шофферами, артистами, научились ремесламъ, стали у станковъ на фабрикахъ, пріобрѣли новые навыки и умѣнья, которыя и въ новой Россіи ихъ прокормятъ такъ же, какъ кормили ихъ заграницей, то у офицеровъ и солдатъ, оставшихся съ Императорскими знаменами и штандартами на пограничной службѣ въ Сербіи, на шоссейныхъ работахъ у Вранье и Ормоша, въ „минахъ“ Болгаріи поднимаются теперь страшные, волнующіе вопросы и заботныя черныя мысли долятъ ихъ.

Будутъ ли нужны они, какъ офицеры и солдаты въ новой Россіи?

[illegible]-ли т[illegible] настоящая армія, [illegible] милиція, [illegible] оруже[illegible] народъ, подготовленный [illegible] „[illegible] обучемъ“, но армія съ ея старыми традиціями и укладомъ жизни?

И, если будетъ такая армія, изъ кого будетъ создаваться и строиться она, по какимъ признакамъ будутъ собираться [illegible] офицеры и начальники?

[illegible] ея основаніе красная армія и — они, — [illegible], Лемносцы, Первопоходники, обезличенные, лишенные своихъ потомъ и кровью заслуженныхъ

значковъ вольются въ нее только, какъ „спецы“ военнаго дѣла?

Или еще заграницей будетъ организована армія изъ тѣхъ многочисленныхъ офицерскихъ союзовъ и обществъ, что разсѣяны по всему свѣту, и Русская армія генерала Врангеля вольется въ нее, какъ часть вливается въ цѣлое?

Или обратно, за основу будущей Арміи будетъ взята армія генерала Врангеля и въ нее, подъ ея знамена, войдутъ разбросанные по всему свѣту офицеры, подчиняясь ея вождямъ, усваивая и покоряясь тому, что вошло въ обычаи Врангелевской Арміи?

Или: — армія Врангеля войдетъ въ Россію, какъ особая армія, и останется навѣки со своими именами, какъ образецъ вѣрности долгу, чести и любви къ отечеству, и положитъ основаніе новымъ полкамъ великой Русской Арміи?

Я знаю, что эти думы не только тяготятъ офицеровъ и солдатъ, разсѣянныхъ по всему свѣту, но составляютъ предметъ горячихъ, страстныхъ споровъ, нерѣдко порождающихъ вражду между офицерами, мѣшающую ихъ объединенію.

Мнѣ хотѣлось бы внести успокоеніе въ эти споры. Статьею своею хочу я пролить свѣтъ на эти вопросы и разсмотрѣть ихъ не съ точки зрѣнія сердца, чувства, а, слѣдовательно и страсти, но только съ точки зрѣнія разума, холоднаго опыта, наблюденія и долгаго сторонняго размышленія. Я ни съ одними, ни съ другими, ни съ третьими. Я не на Балканахъ, не въ союзахъ и не въ красной арміи.

2. Какая будетъ нужна сильная армія.

Первый вопросъ,—будетъ-ли въ новой Россіи армія и, если будетъ, то какая?

Отвѣтъ одинъ, безъ колебаній:—будетъ сильная, строго дисциплинированная армія, созданная по послѣднему слову военной науки, но сообраэженная съ географическими особенностями Россіи и ея состояніемъ послѣ смуты.

Иначе не будетъ Россіи.

Я настолько не сомнѣваюсь въ этомъ, что, когда ко мнѣ обратился одинъ Русскій бѣженецъ съ вопросомъ, какъ ему быть: —у него два сына, уже взрослыхъ, имѣютъ тяготѣніе къ военной службѣ, онъ имѣетъ возможность отдать ихъ въ высшую военную школу во Францію Saint Syre. Отдавать ихъ, или нѣтъ? Я увѣренно отвѣтилъ: — конечно, отдавать.

— Но они будутъ тогда служить во Франціи и будутъ потеряны для Россіи.

— Ничего подобнаго. Они будутъ необходимы именно для Россіи. Въ Россіи, гдѣ за послѣднее время такъ упало военное образованіе и воспитаніе, они будутъ самыми нужными людьми.

Посмотриге на теперешнюю карту Трисере (С. С. С. Р.) со всѣми ея татар-республиками, башкиріями, дальневосточными, читинскими, украинскими республиками, съ окромсанными, безъ всякаго смысла и системы, границами, съ совершенно несообразной границей Финляндіи, замыкающей выходъ изъ Санктъ-Петербурга, съ лимитрофами, лишившими Россію Балтійскаго моря, съ Польшей, расползшейся по исконнымъ Русскимъ землямъ, съ Румыніей, грозящей Одессѣ, съ неспокойнымъ Кавказомъ, съ Туркестаномъ, переполненнымъ басмаческими шайками, вырѣзанными Русскими поселеніями и уничтоженной Русской культурой, и вы поймете, что Россіи будетъ нужна армія, потому что ей предстоитъ повторить работу ея императоровъ отъ 1700 до 1900 года. Предстоитъ наново вести великую Сѣверную войну, войны съ Польшей, завоевывать Кавказъ и Туркестанъ, подаваться на дальній востокъ.

Значитъ: — вести безконечныя войны. Держать подъ ружьемъ два, три милліона человѣкъ и опять разорять страну? Значитъ, опять кровь, кровь и кровь!!!?

Думаю, что не совсѣмъ такъ.

Войны и крови, еще болѣе, чѣмъ въ Россіи, боятся въ Финляндіи, Польшѣ, Эстоніи, Латвіи, Бѣлоруссіи и Румыніи, на Кавказѣ и въ Туркестанѣ. Если тамъ разыгрались страсти, разоряютъ и угнетаютъ Русскихъ, то только потому, что красная армія третьяго интернаціонала не можетъ отстоять достоинства Россіи. Провозгласивъ принципъ —

„грабь — награбленное“ — совѣтское правительство не въ силахъ остановить повальный повсемѣстный грабежъ.

Но, какъ только въ Россіи явится національная власть и создастъ прекрасно организованную армію, всѣ эти тяжелые вопросы рѣшатся или совсѣмъ безъ кровопролитія, или съ самымъ малымъ кровопролитіемъ. Это будетъ та легкая война, сопровождающаяся постоянными побѣдами, такъ нужная новой Русской арміи для поднятія ея духа и вѣры въ себя, и необходимая для усиленія престижа новой власти.

Потребуется войско и для возстановленія нарушеннаго міровового положенія Россіи. За время правленія комунистовъ и жидовъ Россія не только утеряла свое общее положеніе въ Европѣ, но потеряла авторитетъ и среди славянскихъ народовъ. Ея младшіе братья, нѣкогда ею освобожденные, подняли головы и желаютъ занять ея мѣсто, какъ главы славянскихъ народовъ. Главную роль въ Малой Антантѣ стремится играть Чехо-словакія. Онѣмеченные славяне, жиды славянства, мелкіе торгаши, ограбившіе нашу сибирскую казну, тупые и жадные, хотятъ подчинить себѣ весь славянскій міръ. На западѣ Россіи выросла Польша съ громадной арміей, съ прекрасной кавалеріей; Чехо-словакія имѣетъ значительныя воинскія силы и, если закрыть на это глаза, увѣровать въ силу Лиги Націй и слушать сладкія пѣсни антимилитаристовъ, Россія рискуетъ обратиться въ маленькое Московское государство, а всѣ источники своихъ богатствъ при помощи чеховъ и поляковъ отдать міровому капиталу.

Россіи будетъ нужна сильная армія для того, чтобы: —

— сдерживать натискъ Польши, Малой Антанты и Румыніи. Отстаивать югъ отъ Турціи и востокъ отъ Японіи.

— возстановить границы, чтобы занять настоящее мѣсто въ Европѣ, то-есть овладѣть морями и получить свободный доступъ въ океаны и непосредственную границу съ Германіей. Прикоснуться къ источникамъ европейской торговли, минуя коммиссіонеровъ. — Вернуть къ порядку и повиновенію закону свой народъ и въ особенности, инородцевъ, которымъ надо дать почувствоватъ силу Россіи.

Этими тремя задачами опредѣлится сила (численность) арміи, ея составъ, организація и способъ укомплектованія.

Россія временно можетъ считать Германію выкинутой со счета.

Передъ нею, ея соперниками стоятъ:

Финляндія. Съ Финляндіей есть полная возможность столковаться. Характеръ финляндцевъ, давно не ведшихъ серьезной войны, бѣдность населенія, природа страны — все это исключаетъ вѣроятность войны съ Финляндіей и даетъ ннадежды на то, что вопросы Выборгской губерніи и Кронштадскихъ укрѣпленій могутъ быть рѣшены полюбовнымъ обмѣномъ.

Польша, — въ случаѣ войны съ Россіей, Польша всегда будетъ опасаться удара въ спину со стороны Германіи, а потому Польша, при наличіи въ Россіи достаточнаго и хорошо вооруженнаго войска, будетъ сговорчива, а, если бы дѣло дошло до вооруженнаго столкновенія, Польша была бы вынуждена большую и лучшую часть своихъ силъ оставить на своей западной границѣ.

Румынія... Мы хорошо знаемъ, чао такое румынскія войска и, въ случаѣ несговорчивости Румыніи, — пушки быстро заставятъ ее замолчать.

Съ Турціей могутъ быть серьезные разговоры, тѣмъ болѣе, что передъ Новой Россіей лежитъ сложная и серьезная задача въ Закавказьѣ и Персіи, гдѣ блестяще начатое нами дѣло пришло въ запустѣніе и упадокъ. Его надо возстановить.

Японія, вслѣдствіе бывшаго въ прошломъ году землетрясенія значительно ослабѣла, но на дальнемъ востокѣ Россіи придется имѣть большія силы, чтобы возстановить многовѣковый престижъ свой въ Китаѣ и стать въ нормальныя отношенія съ Америкой.

Нужно считаться еще съ тѣмъ противодѣйствіемъ созданію сильной Россіи, которое ей всѣми средствами будутъ оказывать народы Европы и, особенно, Англія.

Однако, Россія можетъ быть спокойна. Ни одно изъ европейскихъ государствъ само въ войну съ Россіей не вступитъ. На Западѣ сильно отвращеніе къ войнѣ, Западъ обезкровленъ, демократія Запада поголовно антимилитаристы, — и, единственно, на что можетъ рѣшиться западъ, — это на натравливаніе на Россію Польши и странъ Малой Антанты.

Для парированія этихъ ударовъ достаточно, чтобы Россія имѣла на Западѣ силы равныя половинѣ армій Польши, Румыніи и Чехословакіи.

На дальнемъ востокѣ и на Кавказѣ силы достаточныя для отраженія могущихъ быть посягательствъ со стороны Японіи и Турціи.

Грубо вычисляя, цифра эта выразится въ одинъ милліонъ человѣкъ постоянной арміи.

Однако, цифра эта можетъ быть значительно уменьшена. При хорошемъ обученіи, воспитаніи и снаряженіи Россія можетъ имѣть первоначально всего 800 тысячъ постояннаго войска.

3. Первыя задачи Арміи.

Эти восемьсотъ тысячъ войска составятъ 20 армейскихъ корпусовъ и 20 кавалерійскихъ дивизій, примѣрно 640 тысячъ пѣхоты и 100 тысячъ кавалеріи. Конница будетъ имѣть нормальное отношеніе къ общему числу войскъ то-есть составлять 1/8 арміи.

Мы не должны ни заблуждаться, ни увлекаться примѣрами Франціи, сократившей кавалерію съ 16-ти до 12-ти и сокращающей ее до 10-ти кавалерійскихъ дивизій. Характеръ ожидающихъ Россію войнъ, не похожихъ на войны, свойство армій лимитрофныхъ государствъ, ненависть къ войнѣ въ толщѣ населенія, короткіе сроки службы, отсутствіе стойкости, слабые нервы теперешняго солдата, все это выдвигаетъ роды войскъ, наиболѣе дѣйствующихъ на воображеніе противника:—тяжелую дальнобойную артиллерію, химическія команды съ удушливыми газами и ослѣпляющими лучами, воздушный флотъ и конницу, довершающую быстрыми ударами начавшееся разстройство, вносящую панику въ тылу огнемъ пулеметовъ и пулеметныхъ ружей.

Сейчасъ въ С.С.С.Р. идетъ борьба съ Туркестанскимъ басмаческимъ движеніемъ. Шайки басмачей, туркменъ, сартовъ и киргизовъ, почти поголовно конныя фактически владѣютъ Туркестаномъ и красная армія не можетъ съ ними справиться, потому что ея конница и недостаточна числомъ и не въ состояніи быстро передвигаться вслѣд-

ствіе плохого конскаго состава. Совѣтское командованіе молитъ о посылкѣ аэроплановъ, но аэропланы не помогутъ. Съ большой высоты аэропланъ не разберетъ, что происходитъ въ степи,—обычное скопище конныхъ туземцевъ, или это передвигается отрядъ басмачей. А снижаться онъ не можетъ—его разстрѣляютъ. Въ такихъ мѣстахъ, какъ все приднѣпровье, Донской, Кубанскій краи, Заволжье и все, что дальше на востокъ, безъ сильной и смѣтливой конницы порядка не возстановишь.

Россія послѣ коммунистовъ—взбаламученное море. Въ Туркестанѣ басмачи, на Кавказѣ зеленые, на Украинѣ остатки Махновцевъ, по всей Россіи вооруженныя шайки здоровыхъ, крѣпкихъ людей, привыкшихъ жить разбоемъ и кровью. Одни отряды Вохры и Чека дадутъ не мало контингентовъ чисто разбойнаго типа. Молодежь развращена ком-со-моломъ. Все это заставляетъ полагать, что организація Россійской арміи должна быть особой и служба въ ней будетъ тяжелой и безпокойной.

Нельзя посадить солдатъ въ казармы — красныя коробки, и вести воспитаніе и обученіе по часамъ и по росписаніямъ, отбывая номеръ. Обученіе придется вести въ движеніи, на маневрѣ и для этого выработать особую организацію войскъ и особыя программы и навыки.

Передъ правительствомъ будетъ стоять задача привести въ повиновеніе 120 милліоновъ подданныхъ, заставить ихъ исполнять законы, вносить подати. Мы на опытѣ знаемъ, что никакія Государственныя Думы, Круги, Рады, Учредительныя собранія, Парламенты, никакой „демократическій“ строй не можетъ заставить населеніе исполнять свой долгъ. Тамъ говорятъ, а тутъ почесываются и смѣются, обдѣлывая свои дѣлишки. Никакой губернаторъ, никакой комиссаръ, никакой судья, никакой прокуроръ не будетъ имѣть власти, если сзади него не станетъ полиція, че-ка, жандармерія и тюремная стража.

Есть два способа воздѣйствія на населеніе. Одинъ — непосредственное воздѣйствіе: — поркой нагайками и шомполами, разстрѣлы пулеметами, сжиганіе домовъ. Коммунисты достаточно испытали этотъ способъ и доказали его непригодность. Онъ озлобляетъ населеніе и развращаетъ армію.

Другой — заставить уважать власть, непрестанно показывая ея силу. Показывая населенію войска, которыя каждую минуту могутъ сдѣлать съ нимъ все, что угодно. Отличное снаряженіе, нарядное, добротное обмундированіе, желѣзная внѣшняя и внутренняя дисциплина, добросовѣстные, честные офицеры, вѣжливые, деликатные, мягкіе и настойчивые, весь сложный ритуалъ старой военной службы, даже немного подчеркнутый, отданіе чести...

Да... отданіе чести...

Не то отданіе чести, которое видишь заграницей, гдѣ солдатъ, нѣмецъ, или французъ, точно отмахивается отъ офицера, а сознательное, отчетливое, обоюдное, серьезное „козыряніе" за четыре шага, провожаніе глазами, остановки во фронтъ..

Да... И остановка во фронтъ своему ротному, батальонному и полковому командиру, начальнику дивизіи и командиру корпуса, знамени, духовной процессіи, своему умершему товарищу и пр., — все это должно показывать населенію — повиновеніе солдата офицеру, его дисциплину. Она нужна не мнѣ, начальнику, не ему, солдату, а нужна вонъ тому жидку, что выглядываетъ изъ овошенной лавки, нужна гимназисту, что думаетъ совратить солдата, нужна барышнѣ коммунисткѣ. Пусть видятъ...

Громкій отвѣтъ на привѣтствіе, музыка, стройное движеніе въ ногу, отчетливые пріемы оружіемъ, выправка, полное, до щепетильности, однообразіе въ одеждѣ и, конечно, все это прежде всего у офицеровъ.

Если офицеръ позвалъ солдата: — „Петровъ!" — Петровъ долженъ мягко, наноскахъ, подбѣжать къ офицеру и вытянуться, приложивъ руку къ козырьку; но если начальникъ позвалъ офицера: — „Поручикъ Петровъ!" — „Господинъ" поручикъ еще стремительнѣе, еще изящнѣе долженъ подбѣжать и замереть передъ начальникомъ.

Солдатъ отдѣленъ на всѣ два, три года службы отъ населенія. Онъ замкнутъ въ полку въ касту. Отпуски рѣдки, какъ особая награда. И въ отпуску: — нарядный мундиръ и постоянная за него отвѣтственность. Никакихъ „танцулекъ", или „иллюзіоновъ", никакихъ вторыхъ классовъ и куреній на улицѣ.

Служба!

Ты солдатъ!

И повѣрьте, такое войско, всегда бодрое, веселое, чисто и изящно одѣтое сдѣлаетъ болѣе, чѣмъ сдѣлали-бы порки шомполами, разстрѣлы и еврейскіе погромы.

Оно скажетъ: правительство сильно. Правительство можетъ. А всякая сила, могущая проявиться, сильнѣе силы, уже проявленной.

Конечно, нужно, чтобы эту армію видѣло все населеніе. Чтобы черезъ глухіе медвѣжьи углы, черезъ лѣса и степи, постоянно двигались, маневрируя, части арміи. Располагались биваками. Покрывали выгоны и пусто-порожнія мѣста стройными рядами чисто выравненныхъ палатокъ, наполняли городъ или мѣстечко своимъ гомономъ, пѣснями, музыкой. Вечеромъ выстраивались длинными рядами на перекличку, пѣли „Отче нашъ“, „Спаси Господи„ и Русскій гимнъ, подходили съ рапортомъ, и на утро исчезали-бы, оставивъ аккуратно засыпанныя отхожія мѣста и прибранную солому палатокъ. И ни одного грабежа, никакого насилія, никакого разговора съ жителями. Если что брали — платили хорошо, по взаимному уговору. Если былъ праздникъ, пришли въ мѣстную церковь къ обѣднѣ, пришли командами, чинно, стояли не кашляя. По соглашенію съ батюшкой большой полковой хоръ прекрасно спѣлъ обѣдню. Всѣ офицеры были съ солдатами на своихъ флангахъ.

Повѣрьте, если пройдутъ, или будутъ проходить по Россіи такія войска, — губернатору, комиссару, или воеводѣ, (кто тамъ будетъ), акцизному чиновнику, сборщику податей, фискалу будетъ легко. Пришелъ и сказалъ: „По указу Его Императорскаго Величества причитается подать по четыре серебрянныхъ рубля съ души“. Или — „Его Императорское Величество приказалъ прекратить самогонъ и сдать аппараты въ казну“, или — „у кого есть оружіе, сдать сегодня же въ волостное правленіе“...

А на выгонѣ: — барабаны бьютъ. Солдаты маршируютъ, раздаются командные крики. Барабаны „орленые“ съ Императорскимъ гербомъ. Солдаты бравые. У знамени часовой стоитъ на вытяжку. Не шевелится. Не поговоришь съ нимъ. Офицерамъ честь отдаютъ. И офицеры „деликатные“ однако, шутить не любятъ.

Внесутъ все полностью. Все радостно исполнятъ! И подтянется разнуздавшійся народъ.

Но такая служба потребуетъ особой организаціи и особой дислокаціи корпусовъ Русской Арміи.

4. Дислокація Арміи.

Каждый корпусъ долженъ представлять изъ себя какъ-бы нѣсколько отдѣльныхъ отрядовъ, подобныхъ стариннымъ Петровскимъ corps-volants — летучимъ корпусомъ, способнымъ на самостоятельныя дѣйствія.

Составъ такого corps volants — отъ батальона пѣхоты при 24 конныхъ и 64 ручныхъ пулеметахъ, полубатареи, эскадрона, химической команды и 2-хъ аэроплановъ, съ командой связи и радіо телеграфомъ, или радіо телефономъ, до бригады пѣхоты, кавалерійскаго полка, сапернаго батальона, броневого дивизіона и эскадрильи въ 12 аэроплановъ и химической команды и средствъ связи.

Могутъ быть и специально конные отряды, отъ дивизіона до бригады конницы включительно, съ артиллеріей, броневыми машинами, аэропланами и т. п.

Эти отряды располагаются тамъ, гдѣ уже есть казармы, или по квартирамъ, по деревнямъ, но, не стѣсняя жителей: — въ баракахъ, или брошенныхъ зданіяхъ, которыя они отдѣлываютъ для себя. Отрядъ составляетъ — гарнизонъ города, или мѣстечка. Отрядъ устраивается прочно, обзаводится своими мастерскими, швальнями, сапожными, сѣдельными, шорными, оружейными и т. п., такъ, какъ это было раньше, устраиваетъ офицерскіе флигеля, офицерскія и унтеръ-офицерскія собранія со столовыми и библіотеками и т. п. Въ частяхъ отряда приступаютъ къ методичному воспитанію и обученію солдатъ, но одинъ, два раза въ недѣлю отрядъ выводится на маневръ, который можетъ продолжаться два—три дня. Раза два въ мѣсяцъ маневръ дѣлается ночной. Во время этихъ маневровъ отрядъ проникаетъ въ самыя глухія части уѣзда или, по сношенію съ гражданскими властями, направляется туда, гдѣ населеніе неспокойно, гдѣ нужно моральное или физическое воздѣйствіе.

Вся Россія лѣтомъ и зимою покрывается двигающимися

патрулями по всѣмъ направленіямъ. Эти патрули вносятъ свѣтъ въ деревенскую темноту. Офицеры и унтеръ-офицеры, сталкиваясь съ населеніемъ, бесѣдуютъ съ крестьянами и рабочими и здоровою, разумною бесѣдою, не митингами, а тихимъ разговоромъ гдѣ-нибудь на паперти, на церковномъ погостѣ, или на завалинкѣ у волостного правленія прививаютъ населенію лозунги — „за вѣру, Царя и отечество", которыми они должны быть проникнуты

Не вдаваясь въ подробности дислокаціи можно указать, что въ Сѣверномъ краѣ и Петербургской губерніи стало-бы два корпуса. Вдоль западной границы до Чернаго моря — 4 корпуса, въ Московскомъ районѣ 1 корпусъ. На югѣ Россіи 1 корпусъ. По Волгѣ — 1 корпусъ, въ Западной Сибири 1 корпусъ, въ районѣ Забайкалья 1 корпусъ, на Дальнемъ Востокѣ 4 корпуса, въ Туркестанѣ 2 корпуса и на Кавказѣ 3 корпуса. Кавалерія: Въ Петербургѣ и Прибалтійскомъ краѣ — 2 дивизіи. На западной границѣ 4 дивизіи, въ Московскомъ районѣ 1 дивизія, на Югѣ Россіи — 3 дивизіи (казачьи), на Кавказѣ — 3 дивизіи (2 казачьи), въ Западной Сибири одна дивизія (казачья), въ Забайкальи — 1 дивизія (казачья), на Дальнемъ востокѣ 3 дивизіи (изъ нихъ одна — казачья), въ Туркестанѣ 3 дивизіи (изъ нихъ одна казачья).

При передвиженіяхъ и маневрахъ части лишь въ исключительныхъ случаяхъ пользовались бы желѣзными дорогами.

5. Способъ укомплектованія.

Такая организація и такого рода служба указываетъ и способъ перваго укомплектованія арміи. Передъ нами прошло три способа укомплектованія:

— по принципу доброй воли, по вольному найму;
— путемъ набора изъ нѣкоторой части населенія;
— путемъ набора по всеобщей воинской повинности.

Добровольческая армія — армія порыва, армія настроенія. Есть подъемъ — она хороша. Нѣтъ подъема, она разбредается. Добровольческая армія не признаетъ настоящей дисциплины. Въ ней дисциплина „сознательная"; а сознательная дисциплина до перваго соблазна. Муштра къ ней

не прививается. Въ будничной обстановкѣ армія таетъ: скучно. Кто любитъ военное дѣло, тотъ пойдетъ въ офицеры или охотникомъ, или вольноопредѣляющимся. Постоянно привлекать въ армію посулами легкой и интересной жизни, или брать въ армію элементы ни на что негодные — это развращать армію, создавать армію — „постольку—поскольку“ и не такая армія нужна великой Россіи. Принципъ добровольчества не выдержалъ экзамена ни у Деникина, ни у Колчака, ни у Врангеля и отъ него надо отказаться.

Самымъ правильнымъ является принципъ всеобщей воинской повинности, но съ большими ограниченіями, для того, чтобы условіе попаданія или не попаданія въ Армію рѣшалъ не слѣпой жребій, но та или другая пригодность новобранца для службы. Такъ въ Армію слѣдовало-бы совершенно закрыть доступъ евреямъ. Изъ того, что гдѣ то былъ герой-солдатъ еврей, не слѣдуетъ, чтобы тысячи евреевъ развращали армію. Въ армію не слѣдуетъ допускать туберкулезныхъ, сифилитиковъ, недоразвившихся и т. п. Вопросъ о томъ, кого брать, долженъ быть самымъ серьезнымъ образомъ пересмотрѣнъ.

Въ первые дни реорганизаціи Арміи, законодатель и устроитель арміи будетъ стоять передъ сложнымъ вопросомъ. Онъ получитъ тяжелое наслѣдство изъ красной арміи, отрядовъ Вохры, Чона, коммунистическихъ частей и пр. Мы знаемъ, какую цѣнность имѣютъ эти части. Никакой. Ни настоящей дисциплины, ни обученія. Развращенные по танцулькамъ и митингамъ, не вѣрующіе въ Бога атеисты, сквернословы и грабители, пріученные смотрѣть на населеніе, какъ на паріевъ, умѣющіе сражаться только съ безоружными, эти люди не могутъ стать настоящей арміей. Красная армія должна быть распущена и собрана Русская армія на замѣну Арміи 3-го интернаціонала.

Подъ старыя Императорскія знамена должны быть призваны люди призыва на службу 1911, 1912 и 1913 годовъ. Это солидные люди 33—35 лѣтняго возраста, прошедшіе 2—3 года дѣйствительной службы въ частяхъ Арміи до войны и участвовавшіе въ войнѣ въ лучшій ея побѣдоносный періодъ. Многіе изъ нихъ ранены, большинство — георгіевскіе кавалеры, они выросли и воспитались въ традиціяхъ православной Императорской Россіи и имъ легче

вспомнить навыки старой службы. Они должны составить отъ 1/4—1/3 арміи и быть содержимы на особыхъ, льготныхъ условіяхъ. Срокъ ихъ службы — одинъ годъ — пока созидается армія. Остальная масса должна быть взята прямо отъ сохи по набору на 3 года.

Какая же громадная, исключительно тяжелая работа ложится при такихъ условіяхъ комплектованія Арміи на офицерскій и унтеръ-офицерскій составъ и гдѣ мы его наберемъ?!

Въ этомъ отношеніи у насъ — полное неблагополучіе и не слѣдуетъ закрывать на это глаза.

6. Офицерскій составъ арміи.

Для пополненія 160 пѣхотныхъ полковъ, 80 конныхъ полковъ, 240 батарей и техническихъ частей потребуется около 25.000 офицеровъ разныхъ степеней. Примѣрно 12—15 тысячъ офицеровъ пѣхоты, 3—4 тысячи офицеровъ конницы, 1½—2 тысячи артиллеристовъ и 4—5 тысячъ техническихъ офицеровъ, летчиковъ, телеграфистовъ, шофферовъ и пр.

Военное искусство тонкое, деликатное. Оно не только требуетъ непрерывнаго изученія техники, но и постоянной тренировки тѣла. Оно требуетъ знанія машинъ военнаго дѣла и особенно знанія главной его машины — человѣка. Сто лѣтъ тому назадъ большой мастеръ этого дѣла Донской Атаманъ Платовъ говорилъ про него:

— „Всякое дѣло тогда и хорошо, пока всегда съ нимъ а то ты отъ него на вершокъ, а оно отъ тебя на аршинъ, и такъ и пойдете вы врозь: хорошъ будетъ толкъ“...

Большинство нашихъ офицеровъ отошло уже не на вершокъ, не на аршинъ отъ своего дѣла, а цѣлая пропасть отдѣляетъ ихъ отъ того тонкаго, сложнаго и деликатнаго искусства, что называется военною службою.

Одни утеряли его съ самой революціи, съ 1917 года, другіе послѣдній разъ видѣли части, подобныя воинскимъ въ 1921 году, когда покидали Галлиполи и Лемносъ, третьи и посейчасъ служатъ въ изуродованной красной арміи, четвертые служатъ въ иностранныхъ арміяхъ — во французскомъ иностранномъ легіонѣ, въ Сербіи, Чехословакіи, Поль-

шѣ и Эстоніи и почти вездѣ не на своихъ мѣстахъ, а рядовыми солдатами.

По техникѣ больше всего сохранили знанія, конечно, тѣ, кто служитъ въ красной арміи и въ иностранныхъ войскахъ. Они до сихъ поръ не сняли оружія и имѣли соприкосновеніе съ людскими массами. Но духовно: — одни пріобрѣли отвратительныя ухватки „товарищей“ красной арміи и пали морально, другіе заимствовали обычаи иностранныхъ армій, не всегда полезные для Русской арміи.

Учителями они могутъ быть хорошими, но воспитателями арміи, созидателями ея духа они не могутъ быть.

Наиболѣе сохранили моральную стойкость тѣ офицеры Галлиполійцы, и Лемносцы, которые не прельстились ни свободой, ни болѣе легкимъ трудомъ, ни лучшею оплатою труда, но остались вѣрными знаменамъ и на тяжелой повседневной работѣ въ ужасныхъ условіяхъ жизни сохранили полковую организацію и остались вѣрны Родинѣ, Царю и вѣрѣ православной.

Изъ всѣхъ обломковъ Россійскаго государства, силою бури вынесенныхъ и разбросанныхъ по всему свѣту, наиболѣе цѣлымъ, наиболѣе яркимъ и отраднымъ является Русская Армія генерала Врангеля на Балканахъ. Она героическимъ терпѣніемъ ея офицеровъ, казаковъ и солдатъ, сохранившихъ одну мечту вернуться на Родину, чтобы служить въ Арміи подъ ея знаменами, является яркой путеводной звѣздой въ нашемъ безпросвѣтномъ черномъ бѣженствѣ. Если бы не было этихъ чудо-богатырей шесть дней недѣли копающихъ землю, роющихъ каменный уголь, строющихъ дома, а въ воскресенье одѣвающихъ военное платье, идущихъ стройными рядами въ церковь, поющихъ вечеромъ свои боевыя пѣсни и думающихъ только о Родинѣ — сплошной муракъ себялюбія, эгоизма, стяжательства и спекуляціи окуталъ бы насъ.

Эти люди — ихъ горсть — вынесли всѣ удары судьбы. Они потаяли, но не растаяли. Они постарѣли, ослабѣли физически, но духа своего они не утратили и имъ по праву принадлежитъ первое мѣсто стать воспитателями желѣзнаго духа, стойкости и дисциплины Русскаго солдата. Во времена Фридриха Великаго, героемъ Кунерсдорфа были сказаны великія слова, слова отчаянія:

— „Русскаго солдата мало убить. Его еще надо повалить“.

Эти слова въ силѣ и понынѣ.

Убитъ Русскій солдатъ. Убита, уничтожена Русская армія, но не повалена. Съ лопатою и топоромъ въ рукахъ она стоитъ въ Балканскихъ горахъ, съ упованіемъ глядя на востокъ. Ждетъ приказа.

Другой великій полководецъ почти того-же времени Петръ Великій сказалъ:—„Недорубленный лѣсъ выростаетъ скоро“.

Глушимый шипѣніемъ нашихъ соціалъ-предателей, тѣснимый хозяевами, засыпаемый песками нищеты пробиваетъ могучіе молодые побѣги недорубленный лѣсъ Русской Арміи. Юное поколѣніе растетъ и воспитывается въ стѣнахъ Сараевскаго Крымскаго и Донского Императора Александра III кадетскихъ корпусовъ и въ военныхъ училищахъ. Этотъ молодой лѣсъ дастъ ту молодую разсаду, что поможетъ Государю насадить вновь Русскую Армію.

Офицеры,—воспитанники военныхъ школъ, офицеры и солдаты Галлиполійцы и Лемносцы, до конца оставшіеся въ своихъ частяхъ на работахъ, явившись въ полки молодой Русской Арміи, станутъ въ ней насадителями того великаго духа и разжигателями того свѣтлаго пламени любви къ Родинѣ, которое пронесли они черезъ тяготы, нищету, обиды и оскорбленія лѣтъ, проведенныхъ въ изгнаніи.

Ихъ такъ мало осталось! Ихъ хватитъ только на созданіе учебныхъ и образцовыхъ частей.

Главная масса офицерства въ силу очень тяжелыхъ матеріальныхъ условій заграницей отошла отъ своего ремесла.

Принужденная добывать горькій хлѣбъ на чужбинѣ, она разсѣялась по всему свѣту и здѣсь отслоилась по своимъ способностямъ, физическимъ силамъ, знаніямъ, талантамъ, образованію, приспособляемости, широтѣ взглядовъ и совѣсти.

Наиболѣе военные стали у станковъ наряду съ рабочими, неся на фабрики и заводы военную дисциплину, терпѣніе и способность къ труду.

Наименѣе военные опустились до службы въ игорныхъ домахъ, банкахъ, ресторанахъ и кабакахъ, соприкос-

нулись съ зловонною грязью капитала и врядъ ли смогутъ вернуться въ Армію для безкорыстнаго служенія ея высокимъ идеаламъ.

Лишь въ послѣднее время всѣ они стали сорганизовываться, объединяться въ общества и союзы по полкамъ, союзы георгіевскихъ кавалеровъ, участниковъ великой войны, перво-походниковъ (участниковъ Закубанскаго, такъ называемаго „Ледяного" похода генерала Корнилова) и пр. Передъ ними впереди большая работа. Эти союзы еще не стали на правильную почву. По многимъ причинамъ—они пока лишь союзы взаимопомощи, общества для облегченія тяготы жизни на чужбинѣ, но не идейныя военныя братства. Многіе союзы еще не набрались смѣлости открыто выкинуть единственный офицерскій лозунгъ:—„За Вѣру, Царя и Отечество". Они, вслѣдствіе неимѣнія достаточныхъ средствъ (большинство никакихъ средствъ не имѣетъ), не могутъ установить прочной связи между собою, создать объединяющій органъ, такъ сказать „союзъ офицерскихъ союзовъ",—имѣть свой военный журналъ и хотя-бы путемъ чтенія и обмѣна мыслей на публичныхъ лекціяхъ вернуть себѣ военное мышленіе.

Передъ ними длительная работа (къ счастью уже начатая). Прежде всего необходимо построить эти союзы по одинаковому плану, съ одинаковыми цѣлями:—служить въ Арміи и къ этому готовиться, съ одинаковой идеологіей—„Вѣра, Царь и Отечество", съ одинаковой воинской дисциплиной и судами чести. Эти союзы должны сливаться въ союзы союзовъ даннаго государства, а затѣмъ и создать объединяющій центръ. Гдѣ можно,—разъ въ недѣлю, гдѣ нельзя—рѣже, но не менѣе, чѣмъ разъ въ мѣсяцъ члены союзовъ должны собираться на нѣсколько часовъ для строевыхъ занятій—(хотя-бы подъ видомъ спорта и гимнастики), чтенія уставовъ, командованія, отдачи приказаній, черченія, лекцій по военному искусству, общаго пѣнія, музыки (военной) и пр. Они должны постоянно помнить слова графа Платова:—

...„Всякое дѣло тогда и хорошо, пока всегда съ нимъ, а то ты отъ него на вершокъ, а оно отъ тебя на аршинъ, и такъ и пойдете вы врозь: хорошъ будетъ толкъ".

Работы много... А времени мало.

И надо торопиться.

7. Способы пополненія Арміи офицерами.

Начало работы по созиданію Русской Арміи можетъ быть, —

— или: по приказу Верховнаго Главнокомандующаго вернуться въ Россію и поступить въ распоряженіе главнаго штаба. Это можетъ быть тогда, когда внутренній переворотъ смететъ коммунистовъ, красная армія съ ея придатками будетъ разогнана или деморализована и та группа людей, которая произведетъ переворотъ призоветъ въ Россію Великаго Князя Николая Николаевича.

— или, когда явится для Великаго Князя возможность сорганизовать заграницей какую-то воинскую силу для того, чтобы помочь возстанію въ Россіи.

Какую же роль будутъ играть въ каждомъ изъ этихъ случаевъ воинскіе чины: 1. Арміи Врангеля, 2. бывшей красной арміи 3. офицерскихъ союзовъ и 4. служащіе въ иностранныхъ государствахъ?

Можетъ-ли въ первомъ случаѣ Армія Врангеля, возсоздавшись въ полномъ своемъ составѣ съ полками „революціоннаго" періода, такъ прославившими себя Алексѣевцами, Корниловцами, Марковцами, Дроздовцами и т. д. явиться и стать отдѣльнымъ корпусомъ Русской Арміи, обособленнымъ отъ нея, выдѣленнымъ за свои великія заслуги въ борьбѣ за свободу Россіи?

Это невозможно технически, въ организаціонномъ порядкѣ. По размѣрамъ и составу корпусовъ Русской Арміи: — 40 тысячъ человѣкъ, — Армія, находящаяся на Балканахъ, мала. Многіе не вернутся въ нее. Другіе, служившіе рядовыми солдатами въ Крыму и въ Галлиполи не пожелаютъ при нормальныхъ условіяхъ службы быть рядовыми. Создалась-бы армія только офицерская, ее пришлось-бы пополнять солдатами по набору и она по составу своему уже не представляла-бы Крымской арміи генерала Врангеля. Осталась-бы только вывѣска, не покрывающая внутренняго содержанія.

Это создало-бы преторіанство, привилегированныя, „гвардейскія" части, это породило-бы зависть, выслуживаніе, происки, а этого въ прочной войсковой семьѣ не должно быть.

Крымская армія, великая хранительница Русскихъ Императорскихъ знаменъ и штандартовъ, должна явиться въ Россію съ этими знаменами и къ нимъ и съ ними приступить къ организаціи арміи.

Все смѣшано, сбито, разрушено, уничтожено и, если гдѣ остались еще цѣлые, примѣтные обломки, то это только въ Крымской Арміи.

Корниловскій полкъ съ именемъ революціонера Корнилова, пособника великой безкровной революціи, наградившаго унтеръ-офицера Кирпичникова георгіевскимъ крестомъ за тягчайшее преступленіе — убійство своего ротнаго командира, арестовавшаго Государыню Императрицу, пособника Гучкова и Керенскаго, растлившихъ Русскую Армію... И того-же Корнилова — величайшаго патріота, собиравшаго по зерну Русскую Армію, строившаго ее въ Ледяномъ походѣ и умершаго смертью храбрыхъ подъ Екатеринодаромъ. Корнилова, оставившаго свѣтлую память въ исторіи Добровольческаго движенія. Такіе скачки естественны во время кипѣнія революціи. Исторія его поучительна, но ни имя его, ни знамя — сейчасъ — до окончательнаго перелома страстей неумѣстно на знаменахъ полка Русской Арміи. Оно возбуждаетъ страсти. Оно вноситъ политику въ Армію. Пока исторія не постановитъ своего приговора, пока хладнокровное потомство, не испытавшее бурь революціи, не скажетъ своего слова, мы не можемъ давать имена и титулы.

Мы очень скоры на нихъ. Полкъ Каледина, полкъ Алексѣева... Не рано-ли это? Калединъ, запутавшись въ противорѣчіяхъ, запуталъ въ нихъ и Донъ и застрѣлился, Алексѣевъ хитроумно велъ интригу противъ своего Государя и, будучи Начальникомъ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго, валилъ Главнокомандующаго. Все это теперь такъ спутано. Гдѣ герои, гдѣ преступники не отличишь и потому не надо творить себѣ кумира, тамъ, гдѣ исторія не подвела итоги.

Имена!.. Имена!..

Но вѣдь въ томъ хаосѣ, который представитъ изъ себя Русская армія въ моментъ ея образованія, всплывутъ и другія имена.

Лейба Троцкій-Бронштейнъ — тоже „ну и что-то себѣ

немножечко исдѣлалъ для арміи“. Фрунзе разгромилъ на Перекопѣ армію Врангеля, Буденный прославился по всей Россіи своими кровавыми усмиреніями. . У нихъ тоже есть свои поклонники и во имя самолюбія однихъ мы не можемъ попирать самолюбія другихъ.

Я знаю, тотъ вопросъ, который я затрагиваю, — острый, больной вопросъ. Изъ всѣхъ людскихъ самолюбій самое большое, самое сильное, болѣзненное и чувствительное — это войсковое самолюбіе. Въ немъ и своя кровь и кровь дорогихъ и любимыхъ вождей и кровь товарищей. Корниловъ убитъ въ бою, Алексѣевъ умеръ на своемъ страдномъ посту, Марковъ убитъ, Дроздовскій умеръ отъ ранъ... Они — герои.

Да, герои... Но не будемъ вносить политику въ Армію. Ибо и тамъ есть свои герои. Въ Ямбургѣ полковникъ Николаевъ, красной арміи, повѣшенный войсками генерала Юденича, умеръ героемъ, — съ ихъ точки зрѣнія, конечно. Все это такое больное теперь, станетъ еще болѣе больнымъ. когда арміи соприкоснутся. Неосторожно произнесенное имя, неумѣстная похвальба: — и братъ возсталъ на брата и снова полилась кровь. И новая смута. И нѣту покоя.

Жаждетъ Россія покоя...

Говорятъ... Просто номера. Безличіе полное. 1-й пѣхотный полкъ, 12-й конный полкъ, 21-ая батарея — и ничего больше. Ни имени. Ни шефа... Ни знамени... Все это отжило. Все это уже отблистало, выцвѣло, догорѣло. Отъ этого остались: — тлѣнъ и прахъ.

Не могу согласиться.

Уже теперь, когда еще сидятъ у власти коммунисты и люди въ „спринцовкахъ“ съ алыми звѣздами творятъ судъ и расправу, выбивая послѣдовательно все Русское, встаетъ и возвышаетъ свой голосъ Россія національная. Россія, гордая своимъ далекимъ прошлымъ и къ этому прошлому зовущая.

И Русская Армія только тогда будетъ настоящей Народной Русской Арміей, когда она не отринетъ отъ себя свои старыя, увѣковѣченныя годами славы имена.

Коммунисты могутъ переименовывать С. Петербургъ въ Ленинградъ: — это ихъ очередная игрушка. Это улыбка діавола Россіи. Богъ дастъ послѣдняя его гнилая усмѣшка.

Для Русскихъ онъ былъ и будетъ С. Петербургомъ, Петроградомъ, Питеромъ — тѣмъ, какъ окрестилъ его Державный Основатель и какъ прозвалъ его народъ.

И мы не можемъ забыть именъ Дмитрія Донского, Александра Невскаго, Петра Великаго, Екатерины Великой, Александра Благословеннаго, Царя Мученика, освободившаго милліоны рабовъ и за это мученическую смерть отъ нихъ-же и пріявшаго, Царя Миротворца и нашего Великомученика и Страстотерпца Государя Николая II.

Мы не можемъ зажмуриться и сказать: —нѣтъ не было!.. Не было Суворова...Не было Румянцева... Не было Скобелева.

Было дѣло подъ Полтавой.
Сотни лѣтъ еще пройдутъ.
Эти царскія три пули
Въ сердцахъ Русскихъ не умрутъ...

И еще:

Раздайтесь напѣвы побѣды,
Пусть Русское сердце вздрогнетъ,
Припомнимъ, какъ билися дѣды
Въ великій двѣнадцатый годъ...

И еще... еще... еще... Безконечно много волнующихъ словъ, возвышающихъ душу воспоминаній, напѣвовъ, трепетомъ наполняющихъ сердца.

Единый истинный, единый правильный путь: возвращеніе къ старымъ именамъ, къ старымъ знаменамъ, къ старымъ штандартамъ.

Формированіе Русской Арміи должно пойти, вливаясь въ старыя пропитанныя славой формы. Въ привычныя рамки прежней войсковой организаціи должны входить новыя части. Люди должны идти подъ свои знамена, искать своихъ старыхъ боевыхъ и полковыхъ товарищей.

Гвардія — со своими именами, но безъ гвардейскихъ привилегій. Со своею славой, традиціонными мундирами и цвѣтами, но безъ какихъ-бы то ни было преимуществъ. Привилегія — одна: — быть храбрымъ въ бою и честнымъ въ мирное время. Отличіе одно: — высокій ростъ, высокое понятіе о чести, красивое лицо и красивые поступки.

Гренадеры, старые полки съ ихъ историческими именами, Сибирскіе полки, Туркестанскіе, Кавказскіе, Финляндскіе, желѣзные стрѣлки...

Кто сумѣлъ въ страшную бурю величайшей смуты

сохранить свое знамя — тотъ собирается къ нему. Кто не имѣетъ знамени, утерялъ его и не можетъ найти, тотъ идетъ къ имени полка и ждетъ случая отличіемъ въ бою съ врагомъ внѣшнимъ, или продолжительною блестящею службою — если войны не будетъ — заслужить себѣ новое знамя, подобное старому.

Только этимъ способомъ можно распутать Гордіевъ узелъ самолюбій!

Кто, гдѣ служилъ, тотъ туда и идетъ. Если не къ своему знамени, то къ знамени своей дивизіи, своего корпуса, своего округа. А кто не служилъ въ полкахъ Императорской Арміи — тотъ, если онъ офицеръ, воленъ выбирать на старыхъ основаніяхъ мѣсто своей службы на ваканцію.

Крымская Армія генерала Врангеля разойдется по своимъ роднымъ полкамъ, поступитъ въ тѣ полки, съ которыми она сроднилась въ бояхъ. Эти могикане духа и любви къ Родинѣ внесутъ въ полки свою горячую любовь къ Россіи и разсказами о всемъ пережитомъ на чужбинѣ будутъ воспитывать цѣлыя поколѣнія офицеровъ и солдатъ. Ихъ разсказы будутъ больше волновать, чѣмъ разсказы о Швейцарскомъ походѣ Суворова, и тѣни дѣдовъ преклонятся передъ доблестями внуковъ. Корниловецъ останется Корниловцемъ и въ Самурскомъ, или иномъ пѣхотномъ полку. Они будутъ собираться на товарищескіе обѣды, обмѣниваться телеграммами, но это будетъ ихъ частное, а не государственное дѣло.

Берегите Армію отъ политики.

Этотъ способъ организаціи Арміи даетъ ясный, точный и опредѣленный отвѣтъ, куда дѣнутся офицеры всѣхъ трехъ категорій.

Офицеры бывшей красной арміи, служившіе въ полкахъ Императорской арміи вернутся въ свои полки. Не служившіе, послѣ воспитанія и выучки въ особыхъ школахъ, пойдутъ по своему желанію въ полки на ваканціи.

Офицеры офицерскихъ союзовъ послѣ провѣрки въ знаніи военнаго дѣла при школахъ — въ свои полки.

Служащіе въ иностранныхъ государствахъ вернутся въ свои полки, а кто раньше не служилъ, будетъ поступать на ваканціи.

Полковая семья быстро сгладитъ шероховатости прошлаго, а родное знамя, служба, отнимающая все время, недающая досуговъ для праздныхъ споровъ, — сольютъ разрозненную офицерскую семью въ одно прочное цѣлое, какою она и была до революціи.

8. Организація арміи заграницей.

Россія тяжко больна. Все ея тѣло покрыто какъ бы громаднымъ гангренознымъ нарывомъ. Но по пульсирующей въ немъ тяжкими ударами крови, по всему внѣшнему виду нарыва, уже можно предполагать, что болѣзнь приходитъ къ концу. Процессъ назрѣванія совершился.

Нарывъ можетъ самъ лопнуть. Онъ зальетъ гнойнымъ ядомъ анархіи Россію, но болѣзнь кончится, наступитъ выздоровленіе. Организмъ станетъ крѣпнуть.

Но не исключена возможность, что подъ вліяніемъ различныхъ охлаждающихъ компрессовъ, мазей и лекарствъ, въ видѣ признанія иностранными государствами, иностраннаго капитала, смычки между коммунистами и эсъ-эрами, доступа въ совѣты эсъ-эровъ, образованія коалиціоннаго правительства, нарывъ не лопнетъ, а начнетъ разсасываться, дурные соки уйдутъ во внутрь, Россія будетъ продолжать прозябать, влача безсильное и безславное существованіе. Будетъ объявлена амнистія, дѣйствительно будутъ даны гарантіи отъ смертной казни и нѣкоторыя, относительныя, какъ всегда у соціалистовъ, свободы. Крымская армія ген. Врангеля, офицеры, находящіеся заграницей, получатъ возможность вернуться.

Что будетъ тогда? Какъ и гдѣ будутъ они служить?

Вѣроятно, нигдѣ. Въ такой соціалистической республикѣ настоящей арміи не будетъ. Будетъ милиція, плохо обученная, мало дисциплинированная, съ короткими сроками службы и служить въ ней хорошему офицеру не придется. Товарищи соціалисты его туда не пустятъ.

Есть еще третій способъ леченія болѣзни Россіи. Способъ быстрый, вѣрный, ведущій къ наискорѣйшему выздоровленію. Это хирургическое вмѣшательство. Вскрытіе нарыва острымъ скальпелемъ.

Допустимъ невозможное. Допустимъ — чудо. Мы мо-

жемъ его допустить, потому что такъ много теперь совершается чудесъ на землѣ.

Допустимъ, что Европа оправится отъ демократическаго угара. Францiя пойметъ, что, давая Россiи погибать, она создастъ изъ громадной Русской равнины обширный плацъ д'армъ для Германiи, а изъ Русскаго народа дѣлаетъ навозъ для укрѣпленiя ростковъ германской расы. Допустимъ, что Малая Антанта и Польша поймутъ, что слабая соцiалистическая Россiя знаменуетъ сильную Германiю, и не только опасность для нихъ, но полное ихъ покоренiе.

Ибо кто вступится за Сербiю, если венгро-германскiя войска пойдутъ на Бѣлградъ? Францiя? Но она будетъ сама подъ угрозой Парижу.

Если Францiя пойметъ, что именно теперь, сейчасъ, весною 1924 года, можетъ быть прочными узами завершенъ Франко-Русскiй союзъ и одержана побѣда болѣе знаменательная, чѣмъ побѣды на Марнѣ и на Соммѣ, если Францiя громко и властно, не боясь свиста и улюлюканiя коммунистовъ, не боясь нѣмцевъ, скажетъ прямое, честное слово: — „довольно кровавыхъ соцiалистическихъ опытовъ. Пора Русскому народу стать на работу, пора кончить преступную игру кровью. Вождь свѣтлый, вождь всѣми уважаемый съ нами. Мы признаемъ только Его, Верховнаго Главнокомандующаго Россiйскихъ армiй законнымъ распорядителемъ Русскихъ судебъ и Ему мы поможемъ" — будетъ спасенiе Россiи.

Гдѣ-нибудь... По указу Францiи и при содѣйствiи Америки, этого благороднаго друга правды, — гдѣ-нибудь — въ Финляндiи, Эстонiи, Латвiи, или сѣверо-восточной Польшѣ, быть можетъ въ Литвѣ дается Великому Князю база для созданiя армiи и сильнаго воздушнаго флота.

Небольшой армiи. Флота не столько для боя, сколько для оповѣщенiя. Потому — что рука, поднимающаяся надъ Россiей, поднимается не для казни, не для отсѣченiя ея членовъ, но для дружеской, осторожной хирургической операцiи. И вооружена она не мечемъ, но острымъ скальпелемъ.

Я знаю, что красная армiя воевать не будетъ. Я знаю, что крестьяне и казаки ждутъ мобилизацiи, чтобы получить оружiе и обратить его противъ коммунистовъ. Я знаю, что

деревенская Россія живетъ одною мечтою: — „гдѣ то заграницей живетъ Великій Князь Николай Николаевичъ. Гдѣ то заграницей есть бѣлая армія“. Кто говоритъ милліонная, кто просто — бѣлая. Свѣтлая. Чистая... Честная... Она придетъ и прогонитъ жидовъ и разбойниковъ, терзающихъ Русскій народъ. Она спасетъ вѣру христіанскую и вѣчную церковь Христову. Она — христолюбивая...

Я знаю, что въ городахъ и, особенно, въ Петербургѣ, этого нѣтъ. Тамъ притаилась придавленная интеллигенція, рабски облизнулась на брошенный ей кусокъ хлѣба и довольна. Она боится, какъ огня, вмѣшательства. „Только не трогайте, только не раздражайте ихъ, дайте какъ нибудь жить!“ — стонетъ она.

Это отъ нея, отъ этой гнилой интеллигенціи съ рабской душенкой, ѣдутъ гонцы въ Парижъ и Прагу, разсказываютъ о силѣ совѣтской власти, объ эволюціи большевиковъ, о невозможности интервенціи.

Не вѣрьте имъ. Скоро и надежно спасти Россію можетъ только интервенція.

Не иностранная, но Русская. Разумно веденная именемъ Великаго Князя и подъ Его знаменемъ съ восьмиконечнымъ крестомъ.

Вотъ, если сбудется эта радостная мечта Русскаго народа, если услышитъ Господь его молитвы и дана будетъ возможность создать такой отрядъ порядка, какъ его создавать?

Не можетъ быть двухъ мнѣній.

Въ его основу ляжетъ Крымская армія ген. Врангеля. Только она сохранила организацію. У нея всѣ нити связей, списки...

У нея знамена и штандарты.

Она станетъ тѣмъ цѣлымъ, во что будетъ вливаться, какъ части въ слѣдующемъ порядкѣ:

— Русскіе офицеры и солдаты изъ иностранныхъ армій какъ наиболѣе сохранившіе связь со своимъ ремесломъ. (Помните слова атамана Платова: — „Ты отъ дѣла на шагъ, а оно отъ тебя на аршинъ“).

— Офицеры всевозможныхъ союзовъ и организацій.

Въ зависимости отъ величины отряда будетъ объявлено формированіе соотвѣтствующаго числа полковъ нор-

мальнаго штата, по именамъ тѣхъ знаменъ и штандартовъ, которые будутъ подняты.

Нельзя дѣлать того, что дѣлали въ добровольческихъ арміяхъ. Въ угоду самолюбіямъ формировать полки. Явится группа, человѣкъ 12 офицеровъ, и скажетъ: хотимъ, чтобы былъ нашъ полкъ. И существуетъ нашъ полкъ изъ офицерскаго собранія, полкового экипажа, одной хромой лошади и 12 шалопаевъ.

Эти шутки придется бросить.

Полки нормальнаго штата — пѣхоты около 5000 чел., кавалерійскіе около 1[illegible]00 и служба по присягѣ: за Вѣру, Царя и Отечество.

При формированіи такого отряда — одинъ большой вопросъ: какъ поступить съ тою молодежью, которая въ прошломъ, въ добровольческой арміи, была офицерами и добровольцами, а теперь стала студентами и учится въ учебныхъ заведеніяхъ всего свѣта? Призвать ее подъ знамена, или нѣтъ?

Нѣтъ. Образованные люди въ Россіи будутъ нужнѣе солдатъ. Хорошихъ доблестныхъ солдатъ мы найдемъ въ Россіи, сколько угодно, ибо есть еще порохъ въ пороховницахъ, а стараніями господъ Луначарскихъ и Коллонтай образованіе въ Россіи погублено совсѣмъ и помощь этой молодежи неизбѣжна и нужна.

И еще одно... Мелкое, но ѣдкое. Вопросъ мелочнаго честолюбія, о которомъ и говорить не стоило бы, если бы онъ, увы, не разростался въ большія и крупныя непріятности.

Вопросъ о чинахъ и о знакахъ отличія. Вопросъ о старшинствѣ, вопросъ о кастовыхъ перегородкахъ, казалось бы, уже давно изжитый.

Первопоходники... Галлиполійцы... Добровольцы .. Сѣверо-западники... Украинцы... Колчаковцы... Семеновцы... Первой Новороссійской эвакуаціи... Севастопольской эвакуаціи и пр. и пр.

Казалось бы все одни и тѣ же. Братья по нищетѣ, бездомности и общему Русскому горю.

Нѣтъ... враги.

И этого быть не должно.

Всѣ едино: Русскіе солдаты.

Теперь всѣ генералы и полковники. Рѣдко, когда услышишь приставку другого чина — и то больше: „ротмистръ". Уже больно красиво звучитъ. Хотя и въ старенькомъ пиджакѣ, безъ рейтузъ и совсѣмъ безъ шпоръ, а всетаки:

— Ротмистръ:..

Вотъ этого не надо, не надо и не надо...

А какъ же безъ этого? Не товарищи же?

Надо вернуться къ старому. Надо, чтобы мѣсто отвѣчало чину и чинъ мѣсту.

Положимъ: — дивизія...

Начальникъ дивизіи: — генералъ-лейтенантъ.

Беремъ генералъ-лейтенанта изъ тѣхъ, кто до войны хотя полкомъ командовалъ.

А остальныхъ? Ихъ много явится съ предложеніями услугъ.

Обождать, пока не понадобятся.

Но будутъ обиды?

Да, будутъ. Но что лучше, обидѣть Ивана Ивановича, которому давно мѣсто въ Военномъ Совѣтѣ на пенсіи, или обидѣть Россію и ея Армію?

Въ дивизіи двѣ бригады. Беремъ двухъ генералъ-майоровъ изъ тѣхъ, кто во время войны, до развала арміи, полками командовали.

А остальныхъ? По шапкѣ?

Зачѣмъ — по шапкѣ? Армія предположимъ въ 20 нормальныхъ корпусовъ, 40 дивизій, 80 бригадъ, всѣмъ мѣсто найдется. Еще и не хватитъ достойныхъ... Только — подождать.

Въ дивизіи: четыре полка.

Давайте четырехъ полковниковъ, что въ первый періодъ великой войны, до революціи, батальономъ командовали

И такъ далѣе.

Но, позвольте, — скажутъ мнѣ, — а какъ же вы поступите съ тѣми Wunder-kind'ами, что въ періодъ Деникина и Врангеля изъ рядовыхъ добровольцевъ личною храбростью дослужились до генеральскихъ чиновъ?

Личной храбрости отъ нихъ никто не отниметъ, но позвольте мнѣ сказать словами другого Донского героя Якова Петровича Бакланова, отъ котораго никто не отни-

метъ, что онъ былъ и храбрый казакъ и разумный генералъ: —

... „О храбрости казака“, — часто говаривалъ Яковъ Петровичъ на бесѣдахъ съ офицерами, — „заботиться не надо, потому — что донскому казаку нельзя не быть храбрымъ, но надо, чтобы этотъ казакъ смыслилъ что-нибудь и побольше одной только храбрости“.

А вотъ многіе изъ этихъ Wunder-kind'овъ не смыслили того: — что солдата надо обувать, одѣвать и кормить, а не позволять ему самому брать все себѣ отъ „благодарнаго населенія“.

— что солдата надо учить,

— что солдатъ не палачъ и не разбойникъ,

— что месть (наказаніе) дѣло правительства, а не солдата и частнаго начальника,

— что солдатъ не только не погромщикъ, но предотвратитель погромовъ и т. д. и т. д. изъ самой первоначальной азбуки военнаго дѣла.

И вотъ, пока эти Wunder-kind'ы, подъ руководствомъ опытныхъ полковыхъ командировъ этой азбуки не изучатъ, не узнаютъ, какъ надо обматывать портянку, чтобы ноги не терли, какъ сберегать ружье, чтобы не ржавѣло, какъ кормить солдата, чтобы не обезсилѣвалъ, пусть посидятъ на младшихъ должностяхъ.

Потому — что военное дѣло не игрушки.

Не игрушки... Да... Не игрушки... Играть титулами чинами и значками не приходится. Рядомъ съ Суворовымъ Италійскимъ создавать Слащевыхъ Крымскихъ какъ-будто-бы и неприлично.

Чтобы самому дать примѣръ въ этомъ и я это мое сочиненіе подписываю тѣмъ, что имѣю, а не тѣмъ, что было. Можетъ быть и у меня въ наслѣдство отъ гражданской войны какіе нибудь трехъ этажные титулы остались и разблистались на груди моей красные и зеленые и еще какіе значки...

Богъ далъ, Богъ и взялъ. Что осталось у меня тѣмъ и подписуюсь...

9. О военной службѣ вообще.

Мнѣ кажется, что я отвѣтилъ на всѣ острые вопросы нашего несчастнаго офицерства. Многимъ къ заботнымъ думамъ я прибавилъ и еще болѣе заботныя. Пусть простятъ меня, но за то, можетъ быть, я далъ нѣкоторую ясность въ томъ, что можетъ ожидать насъ въ недалекомъ будущемъ.

Ну, а въ далекомъ, когда все образуется? Когда станетъ Россія? Когда будетъ армія?

Въ армію попадетъ много людей, знающихъ только гражданскую войну, но военной службы не знающихъ. Хотѣлось бы мнѣ сказать имъ, чтобы не строили они себѣ иллюзій. Настоящая офицерская служба — подвигъ. Подвигъ страшнаго терпѣнія и любви къ ближнему болѣе, чѣмъ къ самому себѣ. Настоящая офицерская служба тяжелѣе монашескаго подвига.

Прежде всего отвѣтственность за другого. Вашъ солдатъ не отдалъ чести — вы виноваты. Вашъ дневальный заснулъ, отвѣчаете вы; вашъ часовой отставилъ винтовку, — вы идете подъ арестъ.

„Не довернешься — бьютъ и перевернешься — бьютъ".

Бьютъ по самолюбію.

Вы должны воспитать солдата и научить его преодолѣвать животные инстинкты. Хочешь спать — не спи. Хочешь ѣсть — погоди. Хочешь пить — до привала не пей! Хочешь облегчиться — до команды „оправиться", до привала не смѣй. Вы должны изъ смраднаго человѣческаго тѣла вытянуть душу безсмертную и поднять ее на христіанскую высоту. У васъ свое личное должно исчезнуть. Семья, сонъ, удовольствія, радости жизни — все на второмъ планѣ, на первомъ — полкъ и его честное имя.

„Онъ не спалъ, не дремалъ, свою роту обучалъ".

Не думайте, что это шутка. Спросите стараго ротнаго командира, когда кончался его рабочій день и когда начинался? У него не было ни конца, ни начала. Онъ былъ всегда. Ночью повѣрялъ посты, часовыхъ, если караулъ былъ отъ его роты, ночью ходилъ по помѣщенію, смотрѣлъ всѣ ли на мѣстахъ. А утромъ...

...„Тамъ, едва заря настанетъ, горнъ побудку протрубитъ, барабаномъ къ небу грянетъ и штыками заблеститъ".

На стрѣльбѣ... Моросить унылый утренній дождь, тонутъ въ сѣромъ туманѣ мишени. Хрипло трубитъ горнистъ — „отбой" и „въ полъ-груди, наведи, попади"... Мрачные голоса сипло идутъ изъ тумана:

— Ивановъ, промахъ..

— Козловъ, промахъ...

И рвется ваше сердце. Плохая стрѣльба!... Плохая стрѣльба!...

Ложитесь на мокрую землю подлѣ солдата.

— Подводи подъ мишень. Затаи дыханіе... Не дергай за спускъ. Постой... Отставь.. Отдохни.

Не думайте, что это пустяки.

Не будетъ этого, не будетъ побѣды.

А онѣ были въ 1914 году, въ 1915, — когда живы были ротные командиры и ими обученные солдаты.

Въ дымныхъ туманахъ шатается мокрая рота. Паритъ промокшими рубахами, пахнетъ верблюжиной скатокъ. Сипло заливается пѣсенникъ.

Ты винтовка, другъ мой вѣрный,
Кто служить съ тобой не радъ
И тобой гордится смѣло
Царя русскаго солдатъ.

Вы промокли, голодны, спать хочется. Вы думаете домой, или въ собраніе, выпить рюмку водки?

Нѣтъ.. въ роту.

Посмотрѣть, чтобы люди переодѣлись, надѣли сухое бѣлье, протерли и смазали винтовки.

А сами мокрый.

И когда пришли домой, не отдыхъ васъ ждетъ, а артельщикъ, каптенармусъ, фельдфебель...

Казенную копѣйку берегли. Ротный столъ былъ не пиръ на добычу „отъ благодарнаго населенія" — а здоровая Русская пища Считали на копѣйки, полкопѣйки и четверти копѣйки .Вѣшали на лоты и золотники.

У ротнаго командира съ фельдфебелемъ шли длинные разговоры. Щелкали въ рукахъ деревянные счеты

— Луку на двѣ съ четвертью копѣйки, соли на пол-

торы... Еще подсолнечнаго масла на двадцать двѣ съ половиной.

Берегли эти полушки, выгоняли изъ нихъ ротную экономію: — „артельныя суммы“. На образъ, на масло, на лошадь, на мелочи, такъ незамѣтныя и такъ необходимо нужныя.

Когда уходилъ артельщикъ, выступалъ впередъ каптенармусъ. Выкраивали изъ старыхъ мундировъ штаны, берегли тряпки, ставили подметки, сберегали первый срокъ, для парада и похода.

А, когда кончалъ свои заботы ротный командиръ, приспѣвало время идти въ канцелярію, и тамъ тѣ же разговоры: — о хозяйствѣ, о дровахъ, о заготовкѣ мишеней, о ремонтѣ своими средствами помѣщеній. Изъ канцеляріи въ собраніе — чтеніе „Русскаго Инвалида“, „Военнаго Сборника“. Маленькая зависть... Радость за товарища... Голубая дымка папиросы, синяя греза о прошломъ: — о корпусѣ, объ училищѣ. И уже надо идти на послѣобѣденныя занятія.

Прикладка .. Треугольники изъ карандашныхъ точекъ. Мишеньки. Щелканье выстрѣловъ дробинками, топотъ ногъ на гимнастикѣ и здоровый запахъ сапожной смазки, дегтя, пота чисто вымытыхъ тѣлъ махорки, запахъ Русской пѣхоты.

О! милая, затхлая жизнь со скромными мечтами получить „Анну“ за отличную стрѣльбу, выдать дочь за полкового адъютанта, опредѣлить сына на казенный счетъ въ корпусъ..!!

Тогда въ Наполеоны не лѣзли. Роту получали на двѣнадцатомъ, а то и на восемнадцатомъ году. Въ будущемъ: — подполковникъ въ отставкѣ на грошевой пенсіи... Полки получали счастливчики, умирали бригаднымъ генераломъ — это выдающіеся. Знали: — за храбрость, — дадутъ ордена, мечи, повѣсятъ портреты, но роту дадутъ по очереди, или за отличіе. И были спокойны. Зависти не было. Ждали терпѣливо. Знали, что, будь хотя семи пядей во лбу, двадцати лѣтъ начальникомъ дивизіи не будешь. Развѣ, что въ гвардіи. Да и тамъ производство шло мѣшкотно, работы было не меньше, а отвѣтственности еще больше.

Вотъ какимъ образомъ создавались и ковались герои Варшавы, Ломжи, Опатова, Августовскихъ лѣсовъ, Бзуры

и Ниды. Вотъ, какъ создавался тотъ чудо-богатырь, котораго мало убить, но надо было еще и повалить.

И не повалили.

Развѣ армія Врангеля, Русскіе богатыри духа на Балканахъ, созданы не этимъ старымъ ротнымъ командиромъ?

Не генералъ Кутеповъ равнялъ палатки въ Галлиполи, наводилъ порядокъ и по старому умѣлъ изъ ничего создать свой дивный корпусъ?

Не генералъ Барбовичъ собиралъ кавалерію?

И когда сербъ съ удивленіемъ смотритъ на воздвигнутые во Вранье бараки, на чистоту линеекъ, когда видитъ рабочія сотни въ порядкѣ расходящіяся домой — онъ знаетъ: это сдѣлалъ генералъ Зборовскій.

А кто такіе Кутеповъ, Барбовичъ, Зборовскій?

Старый ротный командиръ... Старый эскадронный командиръ... Старый сотенный командиръ.. Ими сильна была Россія. Ими она стояла, устоитъ и теперь.

9. О военной службѣ вообще.

Не щемило у васъ сердце въ послѣднемъ актѣ „Трехъ сестеръ“ А. П. Чехова, когда при звукахъ замирающей бригадной музыки уходила батарея полковника Вершинина? Куда уходила? Можетъ быть, шла въ Манчжурію, или Китай на усмиреніе боксеровъ, можетъ быть, въ Ляоянъ на Японскую войну, можетъ быть грузиться и идти подъ Ивангородъ, или просто мѣняли стоянку по рѣшенію главнаго штаба. Не все-ли равно?

Обрывалась начавшаяся любовь, прерывалась какая то общая, дружная жизнь.

Шли люди. Одни весело, радуясь перемѣнѣ, другіе съ печалью въ разорванномъ сердцѣ, но всѣ спокойно.

Они ушли такъ... Много, много ушло ихъ подъ замирающіе звуки солдатской музыки и не вернулись никогда.

Такъ же тяжело отбивала шагъ навьюченная скатками и мѣшками пѣхота, сверкала штыками, поднимала пыль и крѣпко пахла сапогами.. Или въ раздробь стучали подковами по мостовой нарядные кони, звенѣли стремена, мундштуки и пики и скрипѣли сѣдла.. Грохотали тяжелыя пушки. Ушли и не вернулись.

Что влекло ихъ?

Долгъ... Государь... Отечество!..

Я пишу это не для старыхъ. Старые знаютъ. Старые, такъ-же, какъ и я, мечтали, что, когда освободитъ Господь отъ присяги и призоветъ въ Свои обители, будетъ все по хорошему.

Гробъ на рукахъ товарищей, „Коль славенъ“, а потомъ бодрые звуки полкового марша.

Справа по три! Не плачь!
Маршъ могильный играй штабъ-трубачъ!

И похоронятъ со своими, на полковомъ участкѣ.

Что толка, что въ бѣженствѣ мы носимъ нами самими придуманные титулы, украшаемся значками, которые некуда нацѣпить, имѣемъ титулы почетныхъ и не почетныхъ предсѣдателей всевозможныхъ обществъ и союзовъ, что изъ этого? Все равно, чужіе люди холодно и торопливо отнесутъ нашъ гробъ на чужое кладбище, и похоронятъ не среди родныхъ крестовъ, а между чуждыхъ, холодныхъ каменныхъ плитъ, поросшихъ цѣпкимъ плющемъ.

Не протрубитъ горнистъ надъ нашимъ прахомъ послѣдній разъ столько разъ при жизни слышанный сигналъ:

„Въ полъ-груди, наведи, попади!“

И троекратный залпъ не содрогнетъ сердце печальной вдовы.

Мы — погибли. Сами себя погубили. Ибо не хранили то, что имѣли. Тянулись за большимъ. И стоимъ у разбитаго корыта.

Я пишу это для молодежи. Пишу тѣмъ, кто пойдетъ служить въ Русской арміи. Пишу, чтобы знали, что, если они не будутъ такими, какъ ихъ отцы и дѣды, если не скажутъ, какъ говорилъ Суворовъ:

„Долгъ къ императорской службѣ столь обширенъ, что всякій другой долгъ въ немъ исчезаетъ. Родство и свойство мое съ долгомъ моимъ: — Богъ, Государь, Отечество“ —

„Горжусь, что я Русскій!“

„Тяжело въ ученьи — легко въ походѣ. Легко въ ученьи — тяжело на походѣ“.

„Одно мое желаніе кончить Высочайшую службу съ оружіемъ въ рукахъ“.

Если не положимъ въ основу всей своей военной службы этихъ завѣтовъ не создадимъ великой арміи.

Не спасемъ Россіи!

10. Умеръ Ленинъ.

Когда я писалъ эту статью, пришло извѣстіе о смерти Ленина.

Говорятъ: de mortuis aut bene, aut nihil. Но есть такіе мертвые, о которыхъ ни хорошаго сказать нельзя, ни замалчивать ихъ поступки не годится.

Къ числу такихъ мертвыхъ относится Ленинъ.

Въ ряду историческихъ мерзавцевъ и палачей, начиная съ Каина, Хама, Іуды — Ленинъ займетъ первое мѣсто. Ни на чьей совѣсти не было столько невинной крови, какъ на совѣсти Ленина. Никто не измѣнялъ и не пакостилъ такъ нагло, злостно, весело, какъ это дѣлалъ Ильичъ.

Наше мягкое тѣло уже готово тронуться его смертью, готово искать идеи въ поступкахъ этого кроваваго, самовлюбленнаго сладострастника, этого подлеца изъ подлецовъ. Указываютъ на его относительное по сравненію съ другими комиссарами, а также съ господами Керенскими — безкорыстіе, на его честную прямолинейность и горѣніе передъ идеей.

Остерегитесь: — Вы стоите на опасномъ пути. Ленинъ весь былъ сотканъ изъ лжи и ненависти. Онъ любилъ только самого себя. Это ничего не значитъ, что онъ былъ холоденъ къ своему прогнившему отвратительному тѣлу, онъ былъ влюбленъ въ свой сумасшедшій мозгъ. Типичный интеллигентъ — мозглякъ, онъ возвелъ себя не только на всероссійскій престолъ, но на престолъ міровой и самъ себѣ поклонился. Въ Ленинѣ не было любви и ни къ чему ни къ кому кромѣ самого себя.

И когда это гнусное животное (я оскорбляю животныхъ, потому что самый отвратительный паукъ прекрасенъ по сравненію съ Ленинымъ) — сдохло, — мы должны навсегда запомнить всѣ тѣ мерзости, которыя онъ сдѣлалъ всему человѣчеству.

Говорятъ: — онъ великъ.

Въ разрушеніи нѣтъ величія. Величіе только въ созда-

ніи. Герострат, сжегшій храмъ Діаны Эфесской, Аттила, разорившій Римъ, не великіе люди. Великъ тотъ архитекторъ, что создалъ храмъ Діаны, хотя мы и не знаемъ его имени, велики Римляне.

Велики созидатели Русской земли, — но разрушители, какъ бы быстро они ни достигли разрушенія, все равно:— мерзость и пыль.

Со всѣмъ тѣмъ значеніе смерти Ленина огромно. И, говоря объ арміи, о будущемъ Россіи, не приходится молчать объ этомъ событіи.

Ленинъ былъ идейная, соціалистическая вывѣска на воровскомъ предпріятіи. Ленинъ былъ Русское имя, прикрывающее жидовскую аферу. Ленинъ былъ національная крышка на интернаціональной помойной ямѣ.

Онъ былъ Владиміръ... Онъ былъ Ильичъ... Онъ былъ Ульяновъ-Ленинъ...

Русскій, радѣющій о рабочихъ и крестьянахъ. Вождь пролетаріата „Нашъ Ильичъ".

— „Встаньте, товарищи! Ильича опускаютъ въ могилу!"

Такъ возгласило 27 января совѣтское радіо по всѣмъ мѣстамъ, въ моментъ похоронъ Ленина, при ревѣ гудковъ, фабрикъ и паровозовъ, при залпахъ орудій, при дикомъ, адскомъ завываніи сиренъ, какъ и подобаетъ при похоронахъ ставленника діавола.

Народъ, крестьяне и рабочіе считали, что Ильичъ радѣетъ о нихъ. Все то плохое, что происходитъ въ Россіи идетъ отъ жидовъ и коммунистовъ. А Ильичъ старается, чтобы правда была вездѣ. Да никто ему не помогаетъ. И выходитъ неладно. Кабы Ильичу-то помогли, можетъ и справился бы!

Ильичъ далъ миръ распустившемуся стаду солдатъ. Ильичъ далъ землю крестьянамъ, Ильичъ позволилъ брать чужое. Это онъ сказалъ: — „собственность — есть кража. Грабь награбленное".

Ильичъ въ народѣ былъ возвеличенъ и вознесенъ. Ильичъ былъ на пьедесталѣ. Его наградили необыкновеннымъ умомъ, знаніемъ народа, любовью, Богъ вѣсть какими качествами, о немъ писали книги, сочиняли стихи, пѣли частушки. Красноармейцы, изучая азбуку, звучно скандировали:

„Ильичъ желѣзною метлой
Сметаетъ сволочь съ мостовой".

И самое слово было звучное, вкусное, Русское: — „Ильичъ".

Легко запоминалось.

О Ленинѣ говорятъ, какъ о великомъ мыслителѣ, покровителѣ наукъ и ученыхъ, освободившемъ русскую научную мысль. Онъ первый указалъ наукѣ ея долгъ передъ народомъ и государствомъ и государству его обязанности въ отношеніи науки.

Это говоритъ не наемный жидъ, а президентъ академіи наукъ, академикъ Сергѣй Федоровичъ Ольденбургъ.

Митрополитъ Евдокимъ пишетъ о Ленинѣ:

— „Да живетъ вѣчно память великаго борца за свободу порабощенныхъ и за истинное братство всѣхъ. Велика была любовь, которую питалъ къ нему весь народъ. Покойся въ мирѣ, скорбная и добрая душа, проникнутая христіанскимъ духомъ.

„Яко ложь есть и отецъ лжи!"

Мы то знаемъ, что „великій мыслитель, покровитель наукъ и ученыхъ, освободившій Русскую мысль" — былъ сумасшедшій „прогрессистъ", заживо сгнивавшій, говорившій и писавшій короткими бунтливыми лозунгами. Такими же словами говорилъ и Емельянъ Пугачевъ, разжигая крестьянъ, но академики хвалебныхъ словъ ему не говорили.

Другое было время. Не такое подлое.

Мы знаемъ, что покровитель наукъ и ученыхъ прихлопнулъ науку тяжелою крышкой, посадилъ ученыхъ на паекъ, устроилъ не то тюрьму, не то сумасшедшій домъ для ученыхъ, разстрѣлялъ многое множество профессоровъ, ученыхъ, писателей и поэтовъ и раздавилъ всякую мысль въ Россіи, несогласную съ его идіотскими вожделѣніями. Тѣни профессоровъ Жандри, Лазаревскаго, поэта Гумилева и многихъ другихъ проклятіемъ отвѣтятъ на хвалебное, льстивое, подлое слово академика Ольденбурга.

Но народъ этого не знаетъ. Передъ народомъ стоятъ рабфаки — университеты, куда принимали неграмотныхъ ребятъ. Передъ народомъ кривляніе профессоровъ на лекціяхъ и митингахъ за паекъ, такъ поразительно вѣрно описанное у Урванцова въ его романѣ „Завтра утромъ"...

Для народа „Ильичъ" — разведшій умирающихъ отъ

холода и голода учителей — дѣйствительно покровитель наукъ.. „Коммунія, вишь-ты мѣшала!“.

Діаволъ, разрушавшій христіанскую вѣру, обращавшій храмы въ дома непотребствъ, вѣшавшій изображенія гнусной, подлой хари своей на мѣсто св. иконъ, перебившій десятки епископовъ и тыс. священнослужителей называется президентомъ сvнода, митрополитомъ Евдокимомъ— „скорбной и доброй душой, проникнутой христіанскимъ духомъ“.

Это ли не вѣнецъ человѣческой гнусности и подлости!?

Точно, когда опускали ставленника діавола въ могилу, діаволъ скорчилъ отвратительную гримасу, улыбнулся и сочнымъ, густымъ плевкомъ плюнулъ въ мозги Ольденбурговъ, Евдокимовъ, Чичериныхъ и прочей гнусной, пресмыкающейся передъ Ленинымъ сволочи.

„Встаньте, товарищи! Ильича опускаютъ въ могилу“.

Русская, разрекламированная жидовскимъ сонмомъ по всему свѣту, ширма исчезла. Теперь никого не обманешь. Свора наглыхъ, хищныхъ жидовъ собирается править Россіей

Бронштейнъ, Апфельбаумъ и Дзержинскій... Розенфельдъ, Джугашвили и Цурюпа — какую тройку ни запрягай, русскаго кучера Ильича не будетъ и не повезетъ она больше Русскій народъ.

Гнилой Ильичъ не выдержалъ. Время гнилое. Какъ ни крѣпятся теперь коммунисты, однако, чувствуется, въ ихъ станѣ непередаваемая тревога.

И „Чона“, и „Вохра“, и Красная Армія, и товарищъ Буденный стали ненадежны. Ильичу покорялись. Все таки Русскій. „Геній“!.. А тріумвирату жидовъ, сдобренныхъ литвиномъ или полякомъ — что то не хочется.

Какъ въ 1917 году — прапорщики заговорили. А мы знаемъ, чѣмъ это пахнетъ.

А потому — „блюдите убо себя, како опасно ходите“!

Въ этотъ часъ всеобщаго развала надо, убравъ все личное, быстро соединиться и составить компактную массу, вѣрную единому лозунгу — „вѣра, царь и отечество“ Нужно понять, что народъ держится личностью, а не коллективомъ. Гнилую, пылающую Россію держала гнилая, подлая личность Ильича. Она исчезла и падаетъ Россія.

Россія пылала громаднымъ костромъ, заливая заревомъ весь свѣтъ. Такъ пылаетъ большое деревянное зда-

ніе. Нельзя приступиться къ нему, нельзя тушить. Но вотъ прогорѣли стропила, упала въ облакѣ блестящихъ искръ, въ темномъ дымѣ гари и копоти крыша, утихло пламя и стало можно подойти къ нему и заливать водою, отстаивая стѣны.

Смерть Ленина — паденіе крыши Россійскаго пожара. Пора приступать къ тушенію. Единую личность смѣняетъ коллективъ, а коллективъ, даже и жидовскій, не удержитъ власти.

Въ этотъ грозный часъ мы должны, наконецъ, понять, что и намъ нужна личность. Личность свѣтлая, съ чистымъ Русскимъ именемъ, за которою всѣ мы пойдемъ.

Господь милостивъ. Онъ далъ намъ лицо, имя котораго извѣстно вездѣ. И съ нимъ мы пойдемъ.

Нужно ли называть его? Оно у всѣхъ на устахъ.

Верховный Главнокомандующій Великій Князь Николай Николаевичъ!

Пора во всѣхъ собраніяхъ нашихъ, на всѣхъ молебнахъ пѣть нашу старую, великую, святую молитву.

— „Спаси Господи люди Твоя и благослови достояніе Твое. Побѣды Благовѣрному великому князю Николаю Николаевичу на сопротивныя даруяй и Твое сохраня-яй, крестомъ Твоимъ жительство!“

Что отъ патріарха Тихона нѣтъ указа? Что митрополитъ Евлогій не рѣшится самъ приказать?

Изъ глубины сердецъ воиновъ и міряиъ да вырвется эта молитва и будетъ угодна Господу Богу.

11. Заключеніе.

Я кончилъ. Знаю: — не угодилъ никому. Ни Галлиполійцамъ, ни „участникамъ великой войны“... Ни легитимистамъ, ни монархистамъ , ни республиканцамъ.

Да вѣдь и цѣль моя была не угождать кому-бы то ни было, для этого есть другія платныя, наемныя перья и слова, моя цѣль была напомнить офицерамъ, что такое Русская Армія. Вернуть ихъ мысли отъ грома гражданской войны, отъ пышныхъ встрѣчъ съ колокольнымъ звономъ, бѣлыми платьями женщинъ и цвѣтами, отъ проводовъ проклятіями, рыданіями, или укоряющимъ молчаніемъ — къ

тихому, скромному прозябанію по гарнизонамъ и мелочной, кропотливой работѣ созиданія Русской Арміи.

Кровавый, огненный фейерверкъ догораетъ. Рушатся кошмарныя огневыя картины. Лицо мертвеца смѣнило гримасу діавола. Роскошное зданіе Россійской Имперіи обвалилось. Вмѣсто гула и воя пожара, вмѣсто оживленія толпы подлѣ него — пустопорожнее мѣсто. Тлѣютъ обломки. Надо заливать остатки бревенъ, растаскивать балки, чистить мѣсто, заготовлять кирпичи для новой постройки.

Толпа праздныхъ зрителей расходится. На смѣну пожарнымъ въ блестящихъ каскахъ идутъ рабочіе въ бѣлыхъ передникахъ. Пора мѣсить глину, творить известку.

На смѣну рѣчамъ и митингамъ, на смѣну генераламъ, говорящимъ со сцены театра, или съ трибуны, должны идти генералы, командующіе войсками, руководящіе маневрами, умѣющіе отдать приказаніе, но не умѣющіе расплываться въ рѣчахъ.

Ни Шкуры съ ихъ лихими разбойничьими наѣздами, ни Слащевы Крымскіе съ опереточной обстановкой садиста — кокаиниста, ни Булахъ-Булаховичи, ни пьяные Май-Маевскіе не будутъ нужны Россіи.

Нужны опять скромные Максимъ Максимычи, простоватые Вершинины, немудрящіе Тузенбахи, терпѣливо дѣлающіе свое солдатское дѣло, горячо любящіе солдата и лишь на досугѣ ухаживающіе за „тремя сестрами".

Казарма!

Да, казарма со всѣми ея запахами: — наваристыхъ щей, печенаго хлѣба, сапогъ и махорки зоветъ насъ.

Уставъ дисциплинарной, внутренней и гарнизонной службы, наставленіе для обученія стрѣльбѣ и пр. извлекаются изъ пыли разоренныхъ библіотекъ.

Россія жаждетъ тишины и покоя.

А покой и тишину ей дастъ — Армія.

Армія, воспитанная въ полѣ и казармѣ.

Наше старое „побѣдоносное, христолюбивое воинство".

За Вѣру, Царя и Отечество.

Обывателя не обижай, онъ насъ кормитъ. Солдатъ не разбойникъ.

Зри въ части семью. Въ начальникѣ отца, въ товарищахъ — братьевъ.

Всѣ братья, кто станетъ подъ наши святыя знамена, подъ Крестъ Животворящій... И галлиполійцы, и не галлиполійцы, и „участники“, и нигдѣ не участвовавшіе и бывшіе красноармейцы, и бывшіе солдаты-чекисты, не замаранные палачествомъ.

Нога ногу подкрѣпляетъ, рука руку усиляетъ.

На смѣну порывистости, мести должны стать — терпѣніе и любовь.

Буря проходитъ. Въ природѣ наступаетъ тишина.

Используемъ эту тишину, будемъ готовиться къ новой бурѣ, да не сокрушитъ она насъ!

Вѣрю, Господи! Помози моему невѣрію!

ПИСАТЕЛЬ.

Январь 1924 г.